

А. В. ГАДЛО

К ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКИ VIII—X ВВ.

В 1962—1964 гг. археологическая экспедиция Ленинградского университета им. А. А. Жданова, опираясь на помощь и содействие Керченского историко-археологического музея, предприняла обследование раннесредневековых селищ на территории восточного Крыма. Экспедиция провела раскопки в двух пунктах: у д. Героевка на берегу Керченского пролива и у д. Пташкино в глубинном районе степи. Материалы исследований у д. Героевка получили освещение в печати¹, итогам работ у д. Пташкино посвящена настоящая статья².

Поселение у д. Пташкино (б. Джеркеджели) лежит в 1,5 км к югу от деревни на левом берегу ручья Шаклар. Оно расположено на самом краю низменной равнины, прижатой подковообразной грядой к северо-восточной части Узунларского озера. Для поселения был избран плоский участок, прикрытый с севера возвышенностью и открытый к югу, с юго-запада его ограничивает ущелье, по которому к озеру протекает ручей из соседней северной долины (рис. 1).

Площадь поселения сравнительно невелика: 500×300 м. После вспашки здесь отчетливо проступают серые пятна зольников и белесые всхолмления — развалы каменных построек. Зольники и остатки построек взаимосвязаны. В 1962 г. при осмотре поселения на его поверхности было отмечено 10 комплексов, включающих большой зольник (их размеры колеблются от 15 до 30 м в диаметре, высота достигает 0,50 м), и остатки жилищ. Зольники обычно устраивались к юго-востоку от построек. Комплексы располагались двумя вытянутыми с севера на юг рядами и отстояли друг от друга приблизительно на 70—100 м. Дальнейшие наблюдения показали, что количество построек, существовавших на поселении, не исчерпывается выступающими на поверхность развалами, их, по-видимому, было несколько больше, и функционально они были различны. Внешний облик поселения и собранная на его поверхности керамика уже при первом осмотре не оставляли сомнений в том, что памятник относится к типу салтово-маяцких селищ. Подобные селища С. А. Плетнева определяет как поселения аильного типа, характерные для периода перехода от кочевой формы хозяйства к оседлой³. К памятникам подобного рода в

восточном Крыму относятся селища у деревень Чапаево-Калиновка, Ерофеево, Птичное, Меловое, Бранное поле, у пос. Кировское и многие другие, всего на территории восточного Крыма и Тамани в настоящее время известно около сотни подобных памятников⁴.

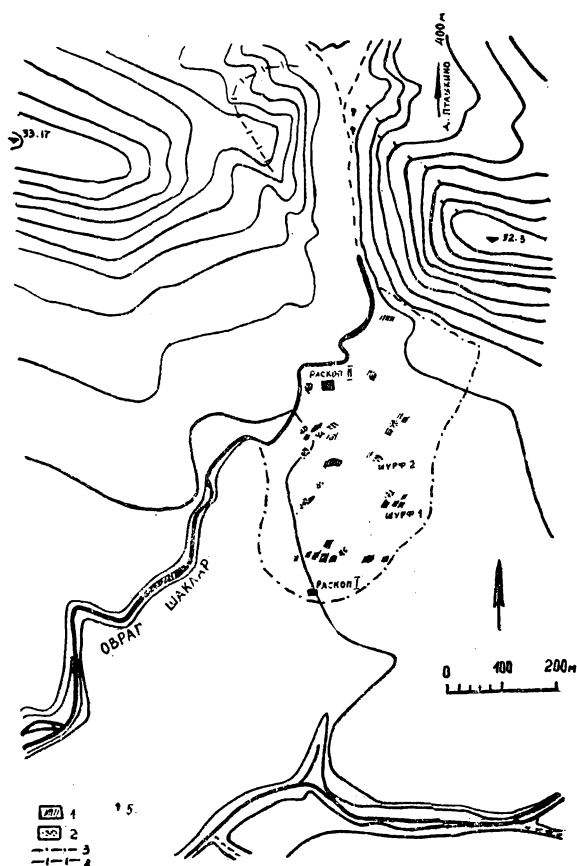

Рис. 1. План поселения у д. Пташкино:
1 — развалы жилищ и построек; 2 — зольники; 3 — граница поселения; 4 — граница могильника; 5 — источники

В 1964 г. на поселении было заложено несколько шурфов и два раскопа: на южном краю (I) и в его центре (II).

На раскопе I (рис. 2) был расчищен небольшой развал бутового камня, выступивший на поверхности после осенней вспашки. Здесь было открыто квадратное жилище, внутренняя площадь которого 2×2 м. Это была землянка, заглубленная в материк на 0,90 м. Стены ее были облицованы кусками плитчатого известняка, сложенного «в елку».

Облицовка начиналась на 0,20 м выше пола и опиралась на материковую ступеньку. В ее основание были уложены крупные камни, тщательно подогнанные. До поверхности материка

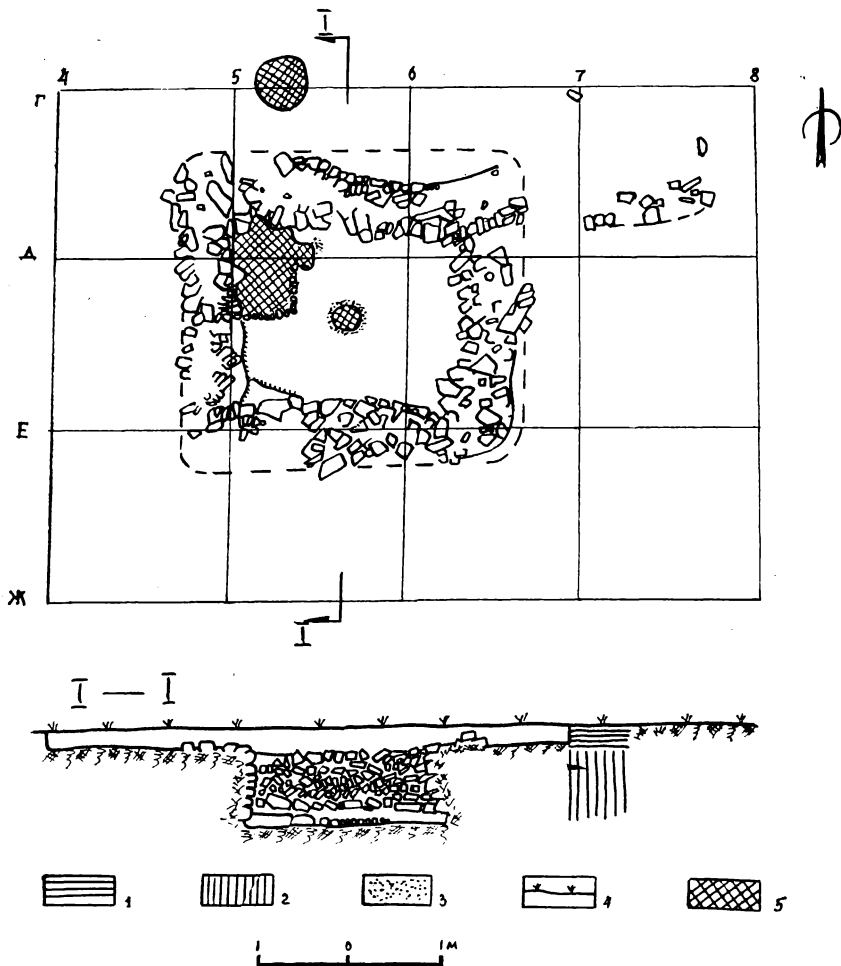

Рис. 2. План раскопа I. Жилище:

1 — гумусированный грунт, содержащий культурные остатки; 2 — материковый суглинок; 3 — уровень дневной поверхности; 4 — зола, уголь; 5 — обожженный грунт, следы горения

вдоль стен котлована поднимался только один ряд камней, с уровня материка начиналась двухрядовая кладка. Ее внутренний ряд был продолжением облицовки, а внешний опирался на материковую стенку котлована. Ширина наземной кладки — 0,70 м. Она также была выполнена по типу кладки «в елку». Вход в жилище, по-видимому, был с юга. Около юго-западного

угла постройки наземная стена имела проем. Каменные ступени отсутствовали, но над уровнем пола здесь возвышалась материковая ступенька, которая выступала из-под камней облицовки. Она могла служить основанием для деревянной лестницы.

Пол в землянке был очень плотный, со следами подмазки. В центре находилось небольшое углубление — очажок (глубина 0,10 м, длина 0,22 м), заполненный золой. На его краю лежала перевернутая вверх дном и раздавленная нижняя часть рифленого горшка, а невядалеке от него — вырезанный из красно-глиняной амфоры кружок. В северо-западном углу находилась заменяющая печь открытая жаровня. Она представляла собой прямоугольное углубление в материковом полу, аккуратно обложенное по краю (только в южной половине) мелкими, тщательно подобранными плитками известняка, они были поставлены на ребро и наклонно. Жаровня имела устье — пологий скат, служивший, по-видимому, для выгребаания золы. Устье было обращено к востоку. Размеры жаровни: длина — 1,20 м, ширина — 0,80, глубина от уровня пола — 0,12 м.

За пределами жилища, к северу от него, на поверхности материка сохранилось пятно от костра ($d=0,60$ м). Судя по прокаленности материка, его разводили в этом месте неоднократно⁵. Практически культурный слой вокруг жилища отсутствовал. Над желтым суглинистым материком здесь сразу начинался пахотный слой чернозема, который перекрывал также и развал жилища. В этом слое были найдены обломки северопрichernоморских бороздчатых амфор, амфор с зонами рифления, обломки красноглиняного пифоса, кухонных рифленых горшков (рис. 6), несколько обломков большого пифосообразного сосуда с двумя ручками, кости коровы и лошади.

Наземная часть жилища была, по-видимому, целиком сложена из камня, его внутреннее пространство заполнял плотный каменный завал. При разборе завала на уровне нижних рядов облицовки были найдены метаподии и правая сторона черепа лошади. Кости лежали между камнями завала в середине жилища, придавленные и отчасти раздробленные завалившей их сверху массой. Эта находка, как нам кажется, свидетельствует о ритуальном жертвоприношении, которое было совершено уже после того, как жилище было покинуто⁶.

На раскопе II (площадь 236 м²) были открыты следы строительной деятельности двух эпох: поздней бронзы и раннего средневековья. Остатки раннесредневековой эпохи представляют три последовательных периода обитания в этой части селища. Они чрезвычайно фрагментарны, но хронологическая связь их устанавливается с достаточной достоверностью (рис. 3).

К первому средневековому периоду относятся остатки за-

глубленного в материк жилища, открытые в юго-восточной части раскопа. Оно ориентировано по оси с.-в.—ю.-з., площадь $4,00 \times 2,80$ м. Пол жилища на 0,15—0,20 м ниже современной поверхности материка. По-видимому, жилище представляло

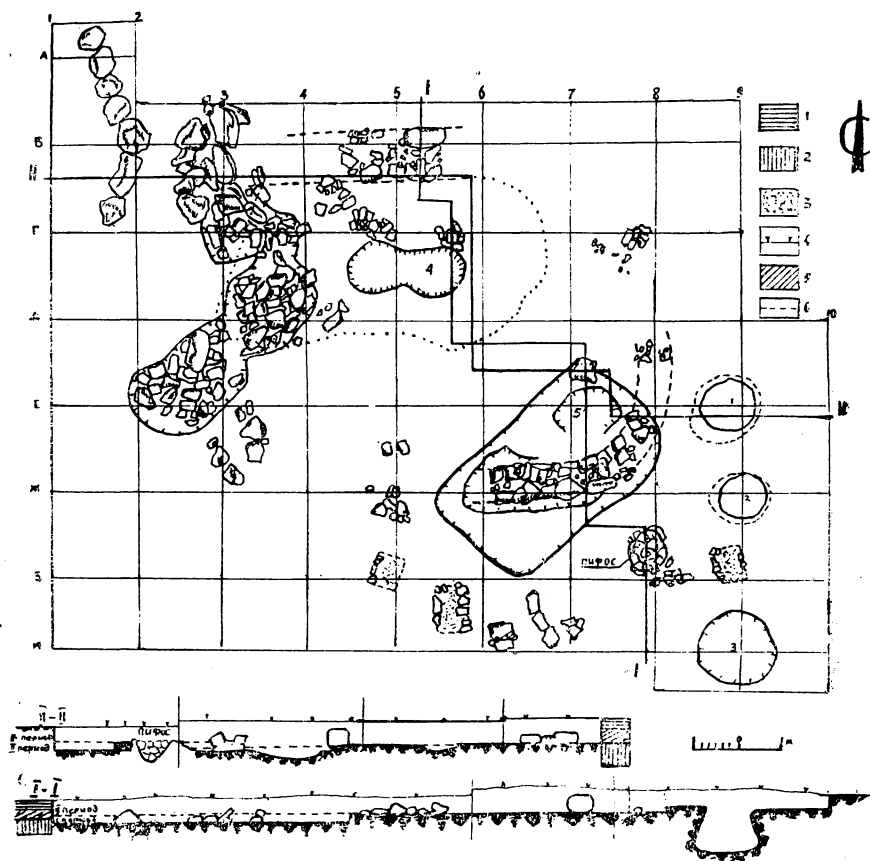

Рис. 3. План раскопа II. Строительные остатки:

1 — гумусированный грунт, содержащий культурные остатки; 2 — материковый суглинок; 3 — зола, уголь; 4 — уровень дневной поверхности; 5 — культурный пласт, содержащий остатки второго периода; 6 — линия реконструкции. Точечным пунктиром обозначены границы развала амфор на площади северного нефа

сооружение типа неглубокой полужемлянки. Данных для реконструкции его наземной части и перекрытия получить не удалось. В северной части жилища находилась хозяйственная яма (длина устья 1,20 м, длина дна 1,30, глубина 0,80 м). В центре располагался открытый очажок в виде небольшого углубления. При расчистке жилища и ямы были найдены обломки рифленых горшков и северопричерноморских бороздчатых амфор⁷.

Жилищу, по-видимому, была синхронна яма 4, расположенная в 8 м к северу от него. В яме найдены обломки рифленых горшков, чернолощенного сосуда типа кружки, грубой удлиненной амфоры с перехватом, на внутренней стороне которой сохранились остатки перегоревшей смолистой массы. Амфора с перехватом позволяет датировать ранний период концом VII — началом VIII в.

Во второй средневековый период на данном участке поселения была возведена большая каменная постройка, которая, однако, функционировала недолго и была разобрана. Характер, взаимное расположение и ориентировка сохранившихся остатков этой постройки позволяют реконструировать ее как христианский храм. Ниже мы приводим доказательства этой реконструкции.

Возведению постройки предшествовала тщательная нивелировка поверхности участка. В его северной части гумусный слой был снят до материка. Ямы и выемки в грунте, в том числе яма 4, были забиты камнем. Зольник, располагавшийся к югу от жилища первого периода, был разровнен, причем его содержимое перекрыло южную часть заброшенного ко времени строительства жилища и присыпало очищенную от гумуса поверхность материка к северу от него.

От постройки уцелела часть северной стены (длина фрагмента — 2,20 м), которая шла в направлении в.—з. Сохранился только нижний ряд кладки, ее ширина 1,12 м. Камни были уложены на поверхность материка. Кладка состояла из двух лицевых рядов, пространство между которыми было заполнено бутом, с внешней стороны на нее был уложен массивный известняковый блок (0,90×0,60×0,25 м), с внутренней стороны — тщательно подобранные куски известняка средних размеров. Кладка велась на грязевом растворе. Северная стена продолжалась до завала крупных плит, которые сохранились здесь от разрушенного сооружения эпохи бронзы, перекрывала их и, видимо, сразу за ними кончалась. Большие камни-валуны, оставшиеся от сооружения эпохи бронзы, вероятно, были включены средневековыми строителями в кладку основания северо-западного угла новой постройки.

В 6,5 м к югу от остатков стены сохранилась еще одна кладка (длина фрагмента 4,5 м), которая принимается нами за южную часть центральной апсиды храма. Эта кладка вначале идет в направлении в.—з, параллельно кладке северной стены, а затем делает плавный поворот к северу, возведена с того же уровня, что и северная кладка (0,72—0,84 м). От нее сохранились только нижние камни основания. Состояла кладка из двух лицевых рядов крупного рваного известняка, которые так плотно сходились в середине, что для забутовки почти не осталось места, ее в кладке очень мало. Камни были скреплены грязевым раствором.

Стена апсиды прошла над жилищем первого периода, которое к моменту постройки храма было уже засыпано землей и, как мы уже отмечали, частично присыпано разбросанным в южной части участка зольником. После постройки стены оседание кладки просело в рыхлую засыпь жилища, наличие которого строители, по-видимому, не приняли в расчет. Под тяжестью верхней части стены нижние камни кладки разошлись (это хорошо видно на сохранившемся фрагменте), что, несомненно, должно было привести к скорой гибели постройки.

В центре предполагаемой апсиды сохранился массивный известняковый блок, лежащий на одном уровне с камнями кладки стены. Высота камня 0,40 м, площадь поверхности — 0,50×0,50 м. Ему была придана форма многогранника, верхняя грань уплощена. По-видимому, это камень престола. Блок был найден *in situ*, под его основанием, с южной стороны обнаружены отщепы известняка, очевидно, подложенные строителями для придания ему устойчивости. Камень был поставлен на край котлована древнего жилища, и строители, видимо, почувствовав рыхлый грунт, вынуждены были принять меры, чтобы престол не кренился набок.

От южной стены постройки сохранились только отдельные, тщательно обработанные блоки. Они были найдены в завале к югу от предполагаемой апсиды. Южная часть постройки, сооруженная на зольнике, по-видимому, простояла очень недолго: к концу данного строительного периода она уже была разобрана.

Описанные выше остатки постройки, которая нами реконструируется как храм, дают возможность полностью воссоздать его облик (рис. 4). Камень престола позволяет определить продольную ось храма. Зная, что сооружения подобного рода были симметричны, мы можем на основании остатков северной стены и кладки южной части апсиды представить общую ширину храма и ширину его средней части (среднего нефа?). Длина постройки определяется менее точно. Ее восточную точку дает реконструируемая на достаточном основании средняя апсида. Западная точка определяется приблизительно на основании следующих наблюдений. После того как храм перестали использовать для совершения культовых действий (если храм был достроен и вообще когда-нибудь использовался для этой цели), в его северной части было собрано большое количество амфорной тары, осколки которой, придавленные каменным завалом, образовали сплошной пласт. Границы этого пласта определяют контур северной части постройки. Амфорный бой не распространялся за предполагаемую внутреннюю линию северной стены. На западе он не выходил дальше крупных камней, которые мы определили как остатки сооружения эпохи бронзы, включенные в кладку основания северо-западного угла храма. На юге граница пласта разбитых амфор была менее опреде-

ленна, здесь (и это вполне естественно) амфорный бой расползался почти до середины храма. На востоке граница битых амфор четко очертила контур дуги, пересекающий мысленное продолжение дуги средней апсиды. Здесь, по-видимому, находилась малая северная апсида, примыкавшая к большой средней.

При расчистке завала в северной части храма были найдены два крупных квадратных блока с ровными гранями, которые могли служить частями столбов, отделявших северный неф от среднего. Блоки были найдены не *in situ*, но близко от тех мест, где они должны были стоять.

Наряду с местным грубо обработанным камнем, для постройки храма использовались тщательно обтесанные куски рыхлого пористого известняка. Некоторые из них, судя по их форме, могли быть использованы в конструкции арочных перекрытий, другие — как декоративные детали в кладке.

Пол храма был вымощен плитами из плохо обработанного известняка. Он сохранился фрагментарно и только в части северного нефа на вымостке пола под квадратом, вероятно, входившим в конструкцию опорного столба, были найдены кости ноги лошади, лежавшие в анатомическом порядке. По-видимому, это свидетельство жертвоприношения в разрушенном храме. В западной части северного нефа были найдены кованые гвозди (3), служившие, вероятно, для скрепления деревянных деталей перекрытия.

При восстановлении облика храма поражает отсутствие обломков черепицы. Очевидно, храм был перекрыт местным материалом: связками камыша или соломы, пересыпанными землей. Возможно и другое предположение, к которому ведет нас ряд наблюдений, сделанных при расчистке храма: храм не был достроен и никогда как христианское культовое сооружение не функционировал.

Что же представлял собой храм, который возвели или начали возводить в центре степного селища во второй строительный период? Очевидно, это трехнефная базилика с тремя апсидами (рис. 4). В плане храм почти квадратный; его внешняя сторона: длина около 12 м, а ширина — 11 м. Средняя алтарная апсида значительно выступала из массы здания (почти на 2,5 м), дуга ее равнялась почти половине окружности. Боковые

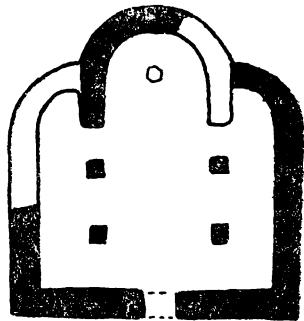

Рис. 4. Схема — реконструкция плана храма на поселении у д. Пташкино. Черным обозначены части постройки, реконструируемые гипотетически, белым — те части, следы которых сохранились

апсиды вплотную прилегали к стенам средней, внешние дуги их описывали около четверти окружности. Длина среднего нефа (без апсиды) приблизительно 8 м, а ширина 4,40 м. Ширина боковых нефов около 1,70 м. Размеры, укороченные пропорции и внешний контур апсид позволяет сопоставить его с храмом Иоанна Предтечи в Керчи, возведенном, судя по надписи 757 г. на одной из подпирающих свод колонн, не позднее середины VIII в.⁸ Однако примитивность строительной техники, совершенно не соответствовавшей претензиям строителей и размаху предпринятой постройки, не позволяет думать, что основания храма могли бы нести сложный крестообразный верх с барабаном купола, как в храме Иоанна Предтечи. Достаточно вспомнить, что кладка велась без применения известкового раствора, стены возводились прямо на поверхности земли без фундамента, в кладке отсутствовали кирпичи, очевидно, лишь в незначительном количестве применялся тесаный камень.

Ближайшей аналогией нашему храму является базилика, открытая А. Л. Якобсоном в долине р. Бельбек на городище Пампук-Кая⁹. По мнению А. Л. Якобсона, она была возведена одновременно с базиликой Св. апостолов в Партенитах, т. е. между 50—80-ми гг. VIII в. Это также трехнефная базилика с тремя апсидами, очень близкая по размерам нашему храму, также имеющая «укороченные пропорции». Оба храма выглядели массивными и приземленными, что отличало их от одновременных удлинённых базилик на Тепсене и в Партенитах. Оба занимают промежуточное положение в местной крымской архитектуре между базиликальными и крестовокупольными сооружениями. Как и в других базиликах VIII в. в Крыму, боковые нефы в обоих храмах отделялись от среднего квадратными столбами, а не колоннами. Эта черта также свидетельство отхода от традиции базиликальной архитектуры. В Пташкинском храме, однако, реликтом ранних архитектурных форм является алтарная апсида, резко выступающая из кубического массива здания. Вряд ли здание имело сводчатое перекрытие, вероятнее всего, оно было стропильным. Дальнейшее развитие (IX—X вв.) тех явлений, которые впервые отмечаются в храмах Пампук-Кая и Пташкинском, наблюдается в архитектуре Тепсеньского храма, раскопанного Н. С. Барсамовым¹⁰.

Таким образом, обнаруженный на поселении у д. Пташкино храм представлял собой упрощенную и примитивную реплику поздних (VIII в.) базилик Крыма. Сооружался он, по-видимому, на средства местного населения, несомненно, местными малоквалифицированными мастерами. Если он и был достроен, то очень скоро пришел в полную негодность и перестал существовать как христианское культовое сооружение. К началу третьего строительного периода его южная часть оказалась полностью разобранной.

Возведение храма на поселении следует, на наш взгляд, связывать с попыткой византийского правительства осуществить идеологическое завоевание Хазарии, что выразилось в основании восьми новых епископских кафедр на подвластной хазарам территории (об этом свидетельствуют нотии К. де Бора, датированные В. Мошиным серединой VIII в.¹¹). Кратковременное усиление христианской церкви в Хазарии в 50—80-е гг., очевидно, привело к созданию храмов в ряде степных селищ. По видимому, в это же время был возведен храм и на поселении у д. Героевки, на берегу пролива, где нами в 1963 г. были найдены мраморная капитель колонны от алтарной преграды и обломки керамических плиток пола (рис. 5). К этому же времени относится постройка большой базилики на Тепсене¹² и сооружение храма Иоанна Предтечи в Керчи-Боспоре, центре хазарской администрации в южном Приазовье.

Важно отметить, что храм, существовавший на поселении около д. Героевки, был разрушен также в конце второго строительного периода: предметы, свидетельствующие о его существовании на поселении, были найдены в завале, разделяющем строительные остатки второго и третьего периодов. Базилика в Тиритакке, построенная еще в VI в. и, видимо, функционировавшая до VIII в., разделила участь этих храмов: в X в. в ее развалинах появилось жилище¹³. Одновременная, по-видимому, гибель трех христианских храмов на поселениях одного района вряд ли случайна. Это явление трудно, на наш взгляд, истолко-

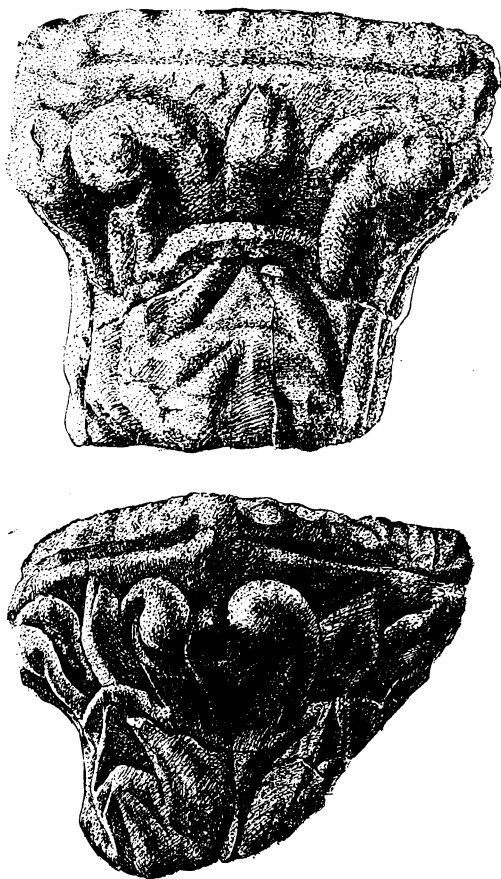

Рис. 5. Мраморная капитель колонны, найденная на поселении у д. Героевки

вать иначе, чем проявление антихристианских, антивизантийских настроений, охвативших Хазарию на рубеже VIII—IX вв. и приведших хазарскую верхушку к принятию иудаизма¹⁴.

После того как храм перестал играть роль христианского культового сооружения и был разрушен, в его северном нефе, очевидно, дольше сохранившем стены и перекрытия, был устроен склад. Только так можно интерпретировать сплошной пласт амфорного боя, имеющий очертания северного нефа, обнаруженный под камнями завала при его расчистке. При этом по-

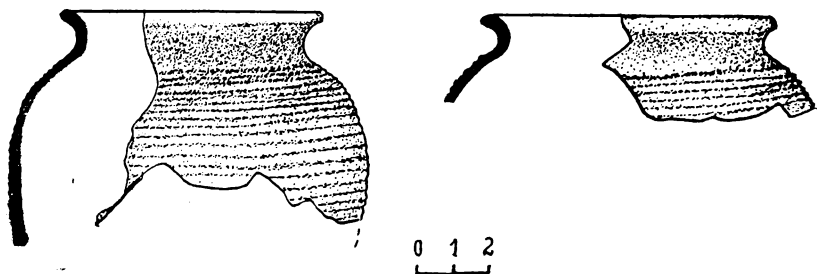

Рис. 6. Рифленые горшки (графическая реконструкция), найденные на поселении у д. Пташкино

казательно, что, кроме амфор и обломков одного высокогорлого кувшина, т. е. сосудов, употреблявшихся исключительно для хранения и транспортировки, другой керамики здесь найдено не было. Разумеется, на поселение амфоры поступали не пустыми, в них привозили вино, масло, нефть, пряности и другие товары. Как показывает анализ форм и глин, из которых были изготовлены представленные здесь амфоры, на поселение доставляли продукты не только местного крымского происхождения, но также и товары далеких заморских стран.

В завале среди обломков амфор найдено большое количество кружков диаметром от 1,5 до 6 см, вырезанных из амфорных стенок. Эти кружки, вероятнее всего, употреблялись в качестве пробок. Считать их заготовками для пряслиц — это мнение широко распространено — нельзя. Здесь не найдено ни одного обточенного или просверленного кружка. Размеры кружков также опровергают это мнение. Кружки вырезались здесь же из частей битых амфор. Большинство кружков может быть вклеено в стенки поддающихся реставрации амфор, фрагменты которых собраны в завале. Следовательно, сюда не только свозили амфоры, но отсюда их и отправляли, предварительно наполнив каким-то содержимым, для сохранения которого здесь изготавливали в большом количестве кружки-пробки, для чего использовали скопившийся в помещении и вблизи него амфорный бой.

Всего в завале были найдены фрагменты не менее 50 амфор, часть которых удалось реставрировать или реконструировать графически (материал был взят полностью). Состав амфор исключительно важен: в комплексе представлены только 3 (4) амфоры с зонами рифления и овоидным корпусом, относящиеся к IX—X вв., здесь же преобладают удлиненные амфоры с разными типами бороздчатости (VIII—IX вв.). Наряду с амфорами известных крымских гончарных центров Чобан-Куле и Мисхора сюда завозились (и в значительном количестве) амфоры других ремесленных центров Крыма. Среди них выделяются две группы, первая представлена 10 (?) амфорами, а вторая — 7 (?). Для амфор первой группы характерны: несколько удлиненное стройное тулово, округлое, примазанное к тулову днище со слабыми следами формовки, отсутствие ребристости (только слабая в верхней части на плечиках), округло-овальные в сечении ручки, тонкое, хорошо проработанное тесто с микроскопическими белыми включениями известняка, тщательно замытая поверхность, легкий ангоб, ровный красный (чуть бежеватый) бархатистый обжиг (рис. 7, А). Для амфор второй группы характерны: приземистый укороченный корпус, гладкое округлое днище без следов формовки, резко выраженная ребристость (особенно верхней части), овальные в сечении, с заостренными краями ручки, тесто грубое, с крупными включениями (песок, дробленый известняк, толченая керамика и т. д.), пятнистое в изломе, неровный обжиг, придающий черепку оттенки от лилового до коричневого, на поверхности густой ангоб (рис. 7, Б, Д, Е). Кроме них здесь обнаружены фрагменты амфор из белой каолиновой глины, амфоры с оранжево-желтым черепком, с желтовато-бежевым, с бледно-розовым (чуть лиловатым), песчанистым кирпично-красным и др., представляющие южнопонтийские и эгейские центры (рис. 7, В, Г, З).

Значение пташкинской коллекции амфор трудно переоценить. Здесь, по существу, впервые удалось обнаружить закрытый комплекс с относительно твердой датировкой, позволяющий в огромном и нерасчлененном материале VIII—X вв. выделить хронологически локальную группу типов. Амфоры пташкинского комплекса существовали в конце VIII—начале IX в. (разрушение храма, вызванное антивизантийской реакцией в Хазарии) и конце IX—начале X в. (время гибели поселения, которое устанавливается по отсутствию в его материалах широко распространенных в X в. грушевидных амфор с мелкобороздчатым корпусом). Существенное подтверждение верхней хронологической границе дает найденный среди фрагментов амфор фрагмент ручки высокогорлого кувшина с греческим граффити *ξορτα*, которое, по мнению Е. Э. Гранстрем¹⁵, не выходит по палеографическим признакам за пределы IX в. (рис. 8). Обнаруженный в пташкинском храме комплекс амфор

впервые отчетливо показал широту экономических контактов не только городских центров Хазарии, но и рядовых степных селищ, подобных исследованному у д. Пташкино.

К позднему третьему периоду на раскопе II относятся рас-

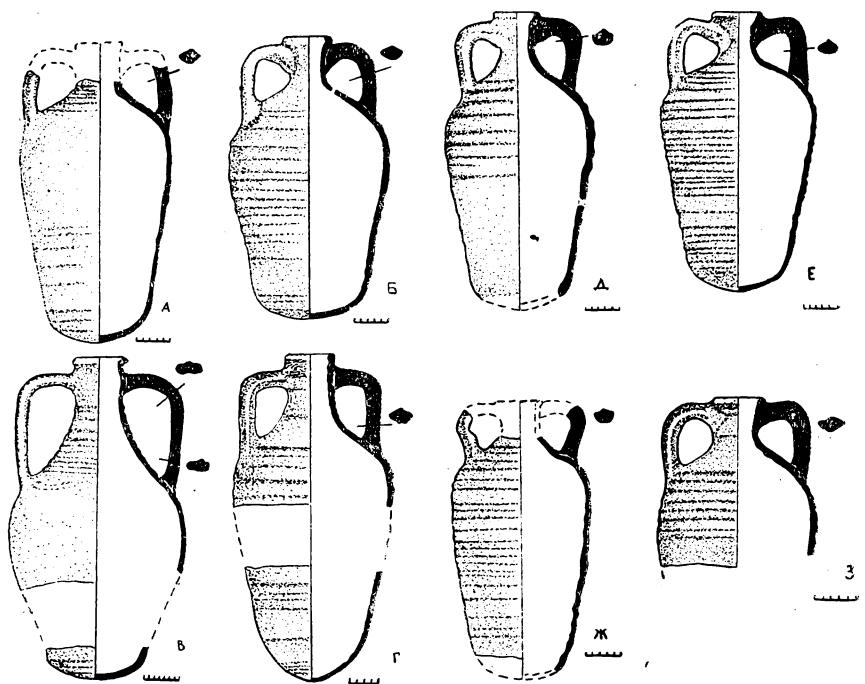

Рис. 7. Амфоры из «склада» в северном нефе храма на поселении у д. Пташкино:

А — местная амфора группы I; Б — местная амфора группы II; В — Г — импортные амфоры; Д — Е — местные амфоры группы II (варианты); Ж — местная амфора переходящего типа; З — верхняя часть импортной амфоры.

положенные к юго-востоку от алтарной апсиды очаг («а»), ямы № 1 и № 2 и вкопанный в землю пифос (длина 0,80 м, углублен в землю на 0,50 м), по-видимому, представляющие остатки одного хозяйственно-бытового комплекса. Края ямы, в которой установлен пифос, были обложены тщательно отесанными плитками известняка, вероятно, взятыми из развалин храма. Уровень обкладки пифоса на 0,10—0,12 м выше уровня подошвы стен храма. С этого уровня возведен очаг «а» и прокопаны ямы № 1 и № 2. Границу постройки обнаружить здесь не удалось. Возможно, ее южный край определяется несколькими камнями, уцелевшими к югу от пифоса. На северо-востоке постройка, очевидно, примыкала к остаткам алтарной апсиды.

Очаг «а» (площадь 0,64×0,70 м) представлял собой прямо-

угольное углубление в полу (глубина 0,07—0,12 м), обложенное по краям небольшими кусками известняка, которые были поставлены наклонно, «в елку». Очаг напоминает печь-жаровню в жилище раскопа I. Он заполнен золой, стенки сильно обожжены¹⁶. Ямы № 1 и № 2 имели характерную форму усеченного конуса.

Постройка третьего периода, приютившаяся за апсидами храма, возникла, как нам представляется, после разрушения склада в северном нефе. Здесь найдены обломки красноглиняной амфоры (в пифосе и в яме № 2), относящейся к рубежу IX—X вв., не представленные среди амфор, найденных в северном нефе. Амфора имела укороченный приземистый корпус и характерную крупнорубристую поверхность. Вместе с амфорой найдены обломки большого рифленого горшка.

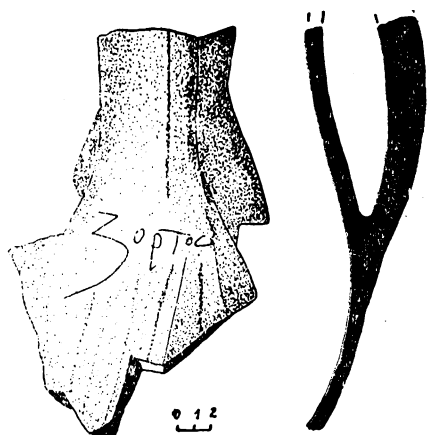

Рис. 8. Фрагмент ручки кувшина с граффити.

Остатки двух открытых очагов прямоугольной формы, обложенных по краю камнями, были найдены на месте южного нефа базилики. Они могли появиться только после того, как его южная стена была разобрана до основания. Площадь очага «б» — $1,10 \times 0,76$ м, очага «в» — $0,74 \times 0,60$ м. Оба очага лежат на насыпанной рыхлой земле, накопившейся после того, как был убран строительный камень, выше уровня которого клались стены храма.

Жертвоприношение в северном нефе, по-видимому, относится к самому позднему периоду, когда рухнули столбы, поддерживавшие над ним перекрытие, и место древнего храма было совсем заброшено. Видимо, у населения, обитавшего на селище или в его округе, еще долго сохранялся пиетет к месту древнего христианского святилища, который оно выражало, однако, в языческой, характерной для кочевных народов форме¹⁷.

Небольшие по своим масштабам раскопки, проведенные в 1964 г. у д. Пташкино, как свидетельствует приведенный материал, оказались исключительно результативными. Жизнь маленького селища, затерянного в глубине восточнокрымской степи, предстала в развитии, повторяющем основные этапы этнополитической и социально-экономической истории всего восточноевропейского Юго-Востока.

Раскопки у д. Пташкино дали материалы, отражающие осе-

дание кочевников в начале VIII в. и идеологическую борьбу в формирующемся в рамках Хазарского каганата раннефеодальном обществе, широкие экономические связи, характерные для периода политического расцвета Хазарии, упадок начала X в., а главное, материалы раскопок показали диалектическую сложность и нестабильность историко-культурных процессов, которые имели место на юго-востоке Восточной Европы в VIII—X вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам 1963 г.) — КСИА АН СССР, 1968, вып. 113; *Его же*. Раскопки средневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. — СА, 1969, № 1.

² Поселение было открыто в 1961 г. В. В. Веселовым, впервые рассмотрено автором в 1962 г.

³ Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967, с. 19—22, 50.

⁴ Подробнее см.: Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII—X веков). — В сб.: Этнография народов СССР. Л., 1971, с. 61—75; *Его же*. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1968, т. 14, вып. 3, с. 59—60, карта поселений.

⁵ Это пятно подобно пятнам, остающимся на материке от обычного кочевого стойбища. Одно такое стойбище частично исследовано нами в 1962 г. на р. Кадамовка (бассейн Дона) у станции Заплавская (см.: Плетнева С. А. От кочевий к городам..., с. 52). Этнографический материал показывает, что на поселениях кочевников рядом с землянкой, служившей зимним жилищем, часто ставилась летняя юрта.

⁶ Подобные землянки отмечены на праболгарских селищах в Румынии (культура Дриду), которые датируются второй половиной IX—X вв. (См.: Зирра В. Двубрядовый могильник раннефеодальной эпохи в Капул Виинор-Истрия. — *Dacia*, 1963, т. 7, № 5, с. 401—402, рис. 30; Плетнева С. А. От кочевий к городам..., с. 58—59). Типология жилищ, открытых на раннесредневековых поселениях восточной Таврики, рассмотрена в статье: Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости..., примеч. 4.

⁷ Ср.: Плетнева С. А. От кочевий к городам..., с. 58—59.

⁸ Брунов Н. И. Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи. — ВВ., 1951, т. 25, с. 87 и след.; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. — МИА, 1958, № 85, с. 494—497.

⁹ Якобсон А. Л. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму. — КСИА АН СССР, 1964, вып. 99, с. 65—72.

¹⁰ Барсагов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле (1929—1931). Феодосия, 1932, с. 6, табл. X. Простота и примитивность замысла пташкинского храма напоминают некоторые архаические сельские храмы раннесредневековой Грузии (см.: Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1956, табл. 7 (Дзвели Шуамта), табл. 15 (Хашми), табл. 43 (Алвани), табл. 45 (Задазени).

¹¹ Мошин В. А. Ἐπαρχία Γοτθίας в Хазарии в VIII в. — Тр. съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929, т. 2, с. 149—156.

¹² Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, с. 482—484; *Его же*. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л., 1964, с. 40—41.

¹³ О том, что Тиритакская базилика погибает не в конце VI в., а позже,

свидетельствует постройка, возникшая на ее развалинах в хазарский период. Эта постройка была возведена не на месте базилики, как отмечают В. Ф. Гайдукевич и вслед за ним А. Л. Якобсон, а в самой базилике. Постройка, судя по чертежам и описаниям В. Ф. Гайдукевича, была обычной землянкой, близкой по конструкции к землянке, открытой у д. Пташкино на раскопе I. Ее строители руководствовались стремлением утилизировать развалины базилики и сделать новую постройку более дешевой. Они выбрали место в середине разрушенного храма, т. е. там, где завал был меньше, и при сооружении новой постройки частично использовали стены старой. Если бы базилика была разрушена в VI в., ее остатки были бы полностью перекрыты землей, как это имело место на других участках, где В. Ф. Гайдукевич отмечал наличие стерильных прослоек между строительными горизонтами V—VI и VIII—X вв. В этом случае была бы исключена возможность приспособить древнее здание под жилье, как это сделали обитатели Тиритаки VIII—X вв. (См.: *Гайдукевич В. Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке.— СА, 1940, № 6, с. 190—204; *Его же.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 52—72).

¹⁴ М. И. Артамонов датировал нотиции К. де-Боора и соответственно расширение влияния христианской церкви в Хазарии периодом между восстанием Иоанна Готского (787 г.) и принятием хазарами иудаизма (первое десятилетие IX в.) (См.: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 260—261).

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить Е. Э. Гранстрем глубокую признательность за любезную консультацию.

¹⁶ Очаги подобного типа известны в Саркеле. (См.: *Белецкий В. Д.* Жилища Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75, с. 66 и след.).

¹⁷ Анализ костей животных из раскопа II дал следующие результаты: лошади — 10 особей, коровы — 9, мелкий рогатый скот — 5, свиньи — 2, собаки — 3, олень — 1. Кости лошадей сильно раздроблены. Определения сделаны А. В. Татр, за что приношу ей глубокую благодарность.